

Пустовойт Юрий Александрович
Сибирский институт управления – РАНХиГС,
кафедра политических наук и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация.
pustovoit1963@gmail.com

Идентичность как товар: элитарный и массовый рынки чувств сибирских городов в контексте смены поколений

Аннотация. На основе теоретических подходов Дж. Голдстоуна и А. Хокшильд автор рассматривает эмоциональную составляющую феномена групповой идентичности и её значение в современном мире. Анализ собранных в течение предыдущих шести лет эмпирических данных (наблюдений и интервью) о коалициях власти и протестных сообществах в сибирских городах позволяет сделать вывод о различиях в частной и публичной эмоциональной жизни управляющих и управляемых (эмоциональной режиссуре, правилах взаимодействия и обмена). Так как в течение ближайших 20 лет произойдет смена политических поколений, и новое поколение миллениалов формировалось в принципиально иных условиях и получило иную социализацию, чем их предшественники, возможна очередная серьезная трансформация социальных и политических институтов.

Ключевые слова: идентичность; эмоции; элита; коалиции власти; протестные сообщества; миллениалы; протесты; Сибирь

Pustovoyt Yury Alexandrovich
Siberian Institute of Management –
the branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Department of Political Science and technology
Novosibirsk, Russian Federation
pustovoit1963@gmail.com

Identity as a product: elite and mass markets of sensations of siberian cities In the context of generation change

Abstract. Based on the theoretical approaches of J. Goldstone and A. Hokshild, the author considers the emotional component of the phenomenon of group identity and its significance in the modern world. The analysis of empirical data (observations and interviews) during the previous six years about power coalitions and protest communities in Siberian cities allows us to conclude about the differences in the private and public emotional life of managers and managed (emotional directing, rules of interaction and exchange). Since in the next 20 years there will be a change in political generations, and a new generation of millennials formed in fundamentally different conditions and received a different socialization than their predecessors, another serious transformation of social and political institutions is possible.

Keywords: identity; emotions; elite; coalitions of power; protest communities; millennials; protests; Siberia

Почему идентичность становится значимым элементом в системе политических отношений? Какую роль в формировании идентичности играют эмоции? Различается ли идентичность людей, занимающих элитарные и неэлитарные позиции и если различается, то чем? Возможно ли сознательно формировать необходимые типы идентичности, и какие вероятные изменения в повседневном и институциональном взаимодействии произойдут при смене политических поколений. В предложенном материале мы не столько ответим на поставленные вопросы, сколько обозначим круг теоретических идей, которые, на наш взгляд, будут продуктивными при исследованиях в этом направлении, приведем некоторые результаты наших эмпирических исследований городских властных коалиций и протестных сообществ и обозначим перспективы дальнейших исследований.

«Эмоциональное воздействие, которое способна оказать на общество униженная группа, добивающаяся восстановления чести и достоинства, может быть гораздо сильнее влияния людей, просто преследующих экономическую выгоду», – эти строки Френсиса Фукиама можно рассматривать как своеобразный эпиграф нашего исследования [Фукияма, 2019: 23]. Сама книга американского исследователя представляет собой написанный академическим языком политический манифест, объясняющий широкой общественности тенденцию прихода к власти популистских националистов, прежде всего, Д. Трампа и успех выхода из Евросоюза Великобритании. Автор считает, что идентичность основана на универсальной *тимостической* психологии человека, и подлинное внутреннее «я» в условиях фальшивого и репрессивного общества прорывается наружу и требует признания своего достоинства.

Понятие идентичности одно из самых модных в современном научном и общественном дискурсе. Гугл выдает около четырех миллионов результатов, на популярном академичном сайте «Постнаука» 47 авторитетных материалов на эту тему. Из лекций М. Соколова, В. Куренного и О. Малиновой мы можем реконструировать комплекс актуальных проблем, связанных с различными подходами к её определению социальными, индивидуальными и политическими процессами, влияющими на её формирование. В социальном измерении принадлежность к определенной социальной категории (пол, раса, гендер, класс, этнос...) определяет, иногда взаимоисключающие, правила взаимодействия, вступая, например, в конфликт по классовому признаку или солидаризируясь по национальному (и наоборот). Особую роль здесь играет принадлежность к локальной группе (исследования Стауффера во время второй мировой войны) и уровень экономического развития, когда при достижении определенной экономической справедливости фокус борьбы смещается к борьбе за престиж (исследования Ненси Фрейзер). В настоящий момент борьба за признание группы может рассматриваться и как борьба за экономические преференции, и как самодостаточная ценность [Соколов, 2019]. Государство является главным конструктором национальной идентичности, так как располагает широким набором инструментов (правила гражданства, возможности тиражирования значимых символов, контроль школьных программ), позволяющих формировать необходимые

представления о мире, сообществе и его истории. Современная российская политика в этом отношении является достаточно неопределенной, и на непростые вызовы современности первыми лицами государства даются самые разные, иногда противоречивые ответы, основанные на различных критериях [Малинова, 2019]. На персональном уровне, вследствие усложнения картины мира, её множественности и отсутствия гарантий нахождения точных ответов на вопросы: кто я и что и для чего я в этом мире делаю, индивиду приходится постоянно для снятия внутреннего напряжения конструировать персональную идентичность. Это происходит обычно через создание собственных биографических нарративов и материализуется через различные формы интернет коммуникаций. Относя себя к одной группе («своих»), индивид автоматически обозначает и группу («других», «чужих», «лишних», «врагов»). Проблема смены идентичности, с одной стороны, позволяет легко перемещаться между различными группами, быть космополитом, с другой, вносит некоторую драматичность в повседневное существование, так как выполнение любой социальной роли полностью и плотно не задействует весь личностный потенциал. Ответ на вопрос: «Кто я и на своем ли я месте», остается открытым [Куренной 2019].

Многообразие подходов к определению содержания понятия идентичность и множественность перспектив описания феномена, пересечение и взаимопроникновение его политических, социальных, и индивидуальных составляющих требует выбора значимых компонентов. На этом этапе мы ориентируемся на подход, используемый Дж. Голдстоуном, как построенный на серьезном анализе теоретических источников и вбирающий в себя несколько влиятельных направлений концептуальных изменений. В работе «К теории революции четвертого поколения» он так обозначает рамки идентичности: «По-видимому, протестная идентичность – чувство привязанности и преданности к протестной группе имеет в своей основе три источника. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимизирует недовольство и гнев отдельных лиц, вызванные существующим порядком. Во-вторых, группа, если она обеспечивает конкретные выгоды, либо предпринимает результативные действия, защищая своих членов и добываясь перемен, наполняет своих участников чувством силы, независимости и эффективности, тем самым завоевывая их коллективную приверженность. В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом, либо предприняв действия против этой группы, тем самым продемонстрировав, что та не может рассчитывать на защиту и справедливость государства. В результате она остается в глазах своих членов единственным источником справедливости и защиты. Иными словами, протестная группа вербует сторонников, провозглашая себя носителем тех качеств, которые ожидаются от государства, а именно, справедливости и эффективности» [Голдстоун, 2006: 76]. Гнев, выгода и враг – так можно обозначить ключевые составляющие протестной идентичности.

В этом материале мы рассмотрим только эмоциональную составляющую идентичности. Раздражение, возмущение, страх, гнев, эйфория – так обычно

обозначали в интервью свои переживания участники протеста, ситуации отрицания ими каких-либо политических, социальных, экономических властных или провластных инициатив. Когда и как неприятие доминирующего субъекта переходит в совсем иное качество, и обычное тихое ворчание сменяется митинговой активностью, готовностью рисковать своим социальным, экономическим благополучием, а иногда свободой и собственностью, тема, выходящая далеко за рамки предлагаемого материала, однако без её обозначения фокус исследования будет постоянно размываться на множество частных и очень разных по причинам, содержанию и результатам мероприятий. В социологической перспективе нам импонируют идеи и категориальный аппарат, предложенный Арли Рассел Хокшильд в книге «Управляемое сердце: коммерциализация чувств». Здесь на основе анализа переживаний бортпроводниц и коллекторов, работников, в профессиях которых эмоциональная составляющая труда становится элементом профессиональной состоятельности и отчуждает их носителей от собственных, настоящих чувств вводится понятие трансмутации. Последнее означает перевод частных чувств в публичную, контролируемую другими (крупными организациями, стремящимися к прибыли) плоскость.

«Авиапассажиры могут решить не улыбаться, но бортпроводница обязана не только улыбаться, но и выработать у себя теплоту, которая будет стоять за этой улыбкой... Когда я говорю о трансмутации эмоциональной системы, я хочу указать на связь между частным актом, например, приложенными стараниями получить удовольствие от вечеринки, и публичным актом, например, стараниями вызвать добрые чувства клиента. Я имею ввиду отношения между частным актом, например, попыткой приглушить свою симпатию к какому-то человеку у того, кто переживает сильную любовь и публичным актом коллектора, подавляющего эмпатию к должнику» [Хокшильд, 2019:50]. Автор выделяет три составляющих эмоциональной жизни: эмоциональная работа (режиссирование эмоциональной жизни теми, кто занимается этим профессионально), правил для чувств (требования отказа от личного эмоционального выбора и публичное прописывание тех нормативов, которые регулируют эмоции) и социального обмена (монетизация чувств, включение мотивов достижения прибыли в систему актов управления эмоциями).

Понятно, что предложенные Арли Хокшильд идеи и категориальный аппарат имеют самое непосредственное отношение к политике. О значении эмоций в политической жизни после Н. Маккивелли и работ первых классиков элитологии написано много и подробно, тем не менее, эмоциональная составляющая жизни элитарных и оппозирующих им групп по-прежнему, в основном, в силу закрытости от наблюдений, фрагментарности, сложности описания не насыщена достаточным объемом эмпирических исследований.

Преыдущие шесть лет мы занимались исследованием коалиций власти и протестных сообществ в сибирских городах. В одних исследованиях в фокусе внимания были коалиции власти в сибирских городах, в других – протестные сообщества. В целом в течении 2013–2019 гг. исследовательская группа встречалась и проводила интервью с людьми, входящими в городские властные коалиции и лидерами

и участниками протестных объединений, жителями городов Сибири, которых в той или иной мере затрагивает рост протестной активности. Обычно беседа состояла из пяти ключевых блоков (биографии, проблемы города, оценка организации протеста, мотивация участников, перспективы на будущее), аудиозапись прослушивалась каждым из участников исследовательской группы, и полученные сведения обсуждались и верифицировались. Всего более 80 интервью (число встреч и не задокументированных бесед намного больше) в Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерово, Новокузнецке и Абакане.

Хорошо известно, что умение произвести необходимое впечатление – один из главных компонентов профессиональной жизни политика. Набор правил регулирующих повседневную жизнь включает в себя все обозначенные А. Хокшильд компоненты: режиссуру эмоционального поведения, правила выражения чувств и правила обмена. Может только большее значение имеет то с кем осуществляется взаимодействие (с вышестоящим, равным или нижестоящим), актуального статуса в элите (особенно интересно проходит интервью с теми, кто его по каким то причинам недавно потерял или сейчас находится в оппозиции) и целей взаимодействия.

В ситуации интервью представители властных групп создают атмосферу «покровительственной доброжелательности», отрицательные эмоции, как правило, не демонстрируются, чем выше статус, тем больше «серьезной озабоченности» по поводу проблем и тем унижительней (впрочем здесь тоже без особого надрыва) характеристики недоброжелателей, врагов и оппонентов. Вообще разговор о последних означает высокую (но скорее всего дозируемую) степень проявления личного доверия к интервьюеру. Люди, выпавшие из элитного статуса или позиционирующие себя с властной фрондой, обязательно расскажут о корыстных интересах действующих персоналий.

Представители властных групп стараются не говорить о чувствах с посторонними (интервьюером). Тем не менее, несложно заметить, что основным режиссером эмоциональных проявлений (время от времени тема бесед все равно соскальзывает на внутриэлитные проблемы) выступают лица, вышестоящие в политической и административной иерархии. Часто всплывают фамилии авторитетных в свое время начальников отделов, мэров и губернаторов. Обычно чиновник оценивает себя, свою деятельность, как бы с более высокой позиции.

«Все решают два человека. Губернатор и мэр, с них спрос. Я бы не хотел оказаться в их шкуре ... У депутатов своя ответственность, у управленцев своя... У нас главный документ трудовой договор и инструкция. Надо быть специалистом в своем деле. Большая часть оценок твоего труда выражена субъективным мнением... Жалобы пишут ... в прокуратуру... работа во власти и управлении сложная, и человек должен получить опыт» (начальник департамента, крупный город).

«Управленцем вообще может быть один из ста. Есть те, кто справляются со своей работой, есть те, кто нет. Надо видеть всю ситуацию и мочь её решить. Прежде чем броситься. Вот я в армии стоял вторым перед прыжком, решался. А меня спрашивают смотри паровоз... Я – где? Ну пнули и вылетел... Помню мне надо было

в 27 лет организовать в совхозе машины разгружать, а у меня только женщина... беременная... Надо объяснить. Все управление сводится к коммуникациям...» (первый вице-мэр крупного города).

Правила проявления чувств скорее заданы процедурами совещаний или неформальных договоренностей по поводу принимаемых решений. По наблюдениям и фрагментам интервью проявлять эмоциональную самостоятельность и спонтанность, менять эмоциональный регистр безболезненно может только первое по иерархии лицо. Если вдруг чьи-то действия вызвали ненужное напряжение, обычно используется выражение: «Это недопустимо» с вынесением формальных и неформальных санкций. Поддержанию положительного эмоционального фона служат неформальные мероприятия, праздники, награждения. Отрицательному – публичное оценивающее персональное высказывание в чей-то адрес. Обычно это происходит очень редко, и даже в ситуации, когда респондент потерял свой элитный статус (возможно несправедливо), услышать обвинения действующих руководителей постороннему практически не удастся. Как правило более мягко оцениваются для «своих с детства», более жестко – чужие.

«Ну, конечно, элита есть и определенный политекс существует. Вступая во взаимодействие с кем-то, нужно учитывать интересы... существуют ли правила? Не знаю. Я так сказать ... Не могу сказать. Я не из (называет город), у меня родители не из элиты, я сам попал через депутатство... Я здесь вижу моральные нормы этические... Можно привести пример... помните был богатый человек (называет имя) ... известный человек... На взятку подставил мэра (называет город) ... Подставил на взятку... мальчишку... Многие отказались общаться... Для меня навсегда его нет. Определенные правила морально этические существуют» (вице-мэр крупного города)».

Словом, речь обычно идет об управлении чувствами, эмоциональной дисциплине и умении формулировать общественные цели и аккуратно вписывать в них свои карьерные интересы. На ранних этапах карьеры это имеет определяющее значение, на более поздних персональная, частная составляющая эмоциональной жизни начинает преобладать.

«В городе есть стратегия и мы ей следуем... Есть план. Властная структура остается неизменной. Люди будут меняться, но стратегия развития останется... Главная проблема – несправедливое распределение ресурсов. Я готовил доклад по Советскому району. Бюджет (город) 21 млрд, бюджет Москвы 1 триллион 360 тыс. Понятно, что столица, но цифры несовместимые (вице-мэр, крупный город).

Для оппозиции и протестующих напротив спонтанные эмоции выступают главным элементом идентификации. Эмоциональная структура протестующих диаметрально противоположна элите. Обычно в ситуации интервью большинство охотно рассказывает о переживаниях и эмоциях, смело и выборочно интерпретирует групповые нормы и правила, не считаться с иерархией и подчеркивает бескорыстие. Протестная идентичность формируется на митингах и переговорах. Для молодого

поколения значимым эмоциональным рефератом выступает лидер, для более старшего, некоторый комплекс, который можно обозначить как «юношеские идеалы».

Общим для всех нарративных повествований является акцент на сильной эмоции и присутствие некоего «мы», выступающего как некий общий конструкт, которому грозит опасность. Смысл и рамки этого «мы», объект его идентификации существенно различаются: «государство», «приятные люди», «активисты», «добросовестная бюрократия». С одной стороны, это говорит о том, что российское общество не так индивидуализировано и атомизировано, как время от времени представляется в различных алармистских текстах, сетующих на отсутствие дружбы, солидарности и доверия между людьми. С другой, выявленная нами в интервью и беседах эта множественность «мы» и отсутствие общих разделяемых ценностей, авторитетов и программ приводят к отсутствию общих норм (точнее множества её интерпретаций), что затрудняет объединение и координацию усилий между сообществами.

Фрейм «моральной чистоты» и отказа от материальных личных выгод здесь выступает как доминирующий, что вообще-то не удивительно, учитывая, что базовые социальные слои для сообщества находятся скорее внизу стратификационной структуры. Понятно, что это существенно затрудняет организацию, так как для работы требуется как минимум время и средства на организацию каких-либо действий.

«В первый раз я столкнулся, что особо тебя слушать никто не собирается, игнорирование – это когда у нас произошел масштабный паводок там, где я живу. Т.е. через меня, по сути, я работал в органах казначейства, через меня шли потоки, я видел, как на самом деле шло финансирование федеральным бюджетом с ликвидацией и на что, поскольку я на самом деле видел движение этих денег, и видел по бумагам, что на самом деле, ничего не делается. Т.е. по бумагам идут миллионы, допустим, на восстановление трассы, а я хожу по этой дороге, т.е. там заложено, 1 170 кубометров горельника, а хожу каждый день по этой дороге на работу, и я вижу, что грязь собрали, навалили на нее и сверху присыпали этим горельником. Я, естественно, пытаюсь, т.е. не анонимно обращаюсь к (губернатору) и еще кому-то написал».

«Вот до прихода в штаб у меня зарплата была выше, чем там. Раньше она была неплохая по нашим меркам. Вот почему я и говорю, что расходы на штабы охеренные, за те деньги можно было бы действительно конкретно выборную кампанию хорошую провести. Тем более основная масса людей были бы волонтерами, пришлось бы тратиться на полиграфию, на ролики, а в основном были бы люди бесплатные. Возвращаясь ко мне, я-то на этом этапе пришел, я потерял и в зарплате, и потерял в том, что работа у меня была ближе... Чужаков у нас нет на самом деле. Только справедливая компенсация. Вознаграждение в данном случае. Пример приведу. Организовывали, обещали дать автобус, но ничего. Я сам подвез. Но там не о вознаграждении была речь, а об возмещении расходов. Этого даже нет. Холод собачий, не чая там, ничего. А что с них требовать, если у них самих ничего нет...».

(руководитель регионального штаба, сибирский город).

Таким образом мы видим, что формирование элитарной идентичности в её эмоциональном измерении происходит намного эффективней. Здесь есть определенная

технология регулярного и регламентированного взаимодействия (совещания и деловые встречи различной степени формальности), есть профессиональные режиссеры эмоций (от руководителей с большим опытом решения проблем до специалистов по технологичной постановке имиджевых сцен (политтехнологов) и PR-консультантов, есть постоянно действующие формальные и неформальные правила, строго очерчивающие границы допустимого, и системы селективных стимулов, поощряющие персональную лояльность, исполнительность и инициативу. Ничего подобного у различных оппозиционных групп нет, по нашим наблюдениям, здесь преобладают спонтанные эмоции над рациональной организацией, а неопределенность правил, создает больше поводов для распада, чем объединения. В условиях относительного благополучия протестная деятельность расширяется. Лидируют по протестной активности и эффективным (с точки зрения достижения поставленных целей) мероприятиям крупные, столичные и богатые города: Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск. В условиях недостатка – сужается. Согласимся с мнением авторитетного американского исследователя Кларенса Стоуна, утверждающего, что серьезно бросить вызов действующей властной группе (стать реальной оппозицией) значит не просто выражать недовольство, но и быть способным создавать не менее эффективную коалицию, сформировать новые механизмы координации и обладать способностью править. Режим не возникает автоматически, а требует постоянных усилий и переоформления договоренностей [Stone, 1989: 227–229]. В условиях падения экономики, возможный вариант объединения и вероятная область социальных конфликтов – возвращение к профсоюзной повестке дня и борьба за перераспределение экономических ресурсов.

При всем многообразии и непредсказуемости жизни в течении ближайших 20 лет в основных институциональных системах, выступающих источниками власти: идеологической, экономической, силовой и политической произойдет смена поколений. Большинство средних и часть высших позиций в управлении займут люди, во-первых, не имеющие советского опыта социализации, во-вторых, имеющих принципиально иные компетенции установления и развития коммуникаций в «цифровой» среде, в-третьих, потенциально имевших в молодости гораздо больший диапазон возможностей для выбора жизненных стандартов и траекторий собственного социального продвижения.

На основе выводов В. Радаева [Радаев, 2019] о социальном переломе 2000 гг. и предположившего существование «разлома» между последним советским поколением, поколением «бумеров» или «застоя» (период взросления 1964–1984 гг.) и миллениалами (период взросления 2000–2016 гг.), можно предположить последующее дробление элитных групп. Разлом означает отсутствие общих тем, общей иерархии-значимости проблем, способов их обсуждения и общих рамок интерпретации, что, с одной стороны, облегчает внутр поколенную мобилизацию, с другой, делает практически невозможным общее коллективное действие на основе трансляции привычных идеологий и ценностей. Вхождение в политику старшего поколения обеспечивалось в молодости комсомольскими организациями, ориентированными на

советские единые стандарты поведения, сегментированную, «дозволенную» активность и обязательную ритуальную практику политического общения. Новое поколение, напротив, имело множество стандартов, получило более широкий диапазон возможностей и обилие сетевых контактов, требующих иных компетенций, которых не было у их родителей и большинства преподавателей. Многосторонние, отстраненные эффекты этой сетевой социализации и её влияние на политические процессы и предстоит выявить и изучить, но сейчас уже понятно, что многие принципы политической жизни будут переоформлены.

Библиографический список

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. № 5. 2006. С. 58–103.

Куренной М. FAQ: Персональная идентичность 7 фактов о проблеме самоопределения современного человека [Электронный ресурс] // Постнаука: [веб-сайт]. URL: <https://postnauka.ru/faq/10442> (дата обращения: 30.05.2020).

Малинова О. Политика идентичности в постсоветской России. Политолог Ольга Малинова об идее нации, идентичности сообществ, стоящих за государством, и критериях принадлежности к этим сообществам [Электронный ресурс] // Постнаука: [веб-сайт]. URL: <https://postnauka.ru/video/51378> (дата обращения: 30.05.2020)

Пустовойт Ю. А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах. // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. (дата обращения: 30.05.2020).

Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 230 с.

Соколов М. Коллективная идентичность Социолог Михаил Соколов о восприятии солдатами войны, националистических движениях и феминизме [Электронный ресурс] // Постнаука: [веб-сайт]. URL: <https://postnauka.ru/video/22076> (дата обращения: 30.05.2020).

Фукуяма Ф. «Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия». Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

Хокшилд А. Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. М.: Дело, 2019. Перевод с английского И. Кушнareвой; под научной редакцией В. Данилова. 392 с.

Stone C. N. (1989) Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas.